

XVI 59
23

ЯНВАРЬ

1914. №1

ДЛЯ НАШИХЪ ДѢТЕЙ

СЪ НОВЫМЪ ГОДОМЪ!

На луну!

Веселое путешествіе отчаянныхъ шалунозъ.

(Сказка, похожая на быль).

Пришелъ копецъ мая и ребятъ распустили изъ школы отдыхать на все лѣто.

Задали, конечно, и на каникулы кое-какія работы, да о нихъ ли теперь думать? Книжки за зиму надоѣли, что и не глядѣль бы на нихъ!

Въ такихъ случаяхъ, обыкновенно, призывали его родителей, чтобы черезъ нихъ сдѣлать шалуноу должное внушеніе. Но это помогало мало, потому что родители Васи души въ немъ не чаяли и очень его баловали.

Такъ и теперь, Куликъ несъ домой въ своей сумкѣ видѣтельство съ

— Нѣтъ, надо придумать что-нибудь поинтереснѣе всякихъ книжекъ, — разсуждалъ Вася Куликовъ, весело возвращаясь домой изъ школы, въ послѣдній разъ въ этомъ учебномъ году.

Нужно сказать, что Вася Куликовъ, или просто Куликъ, какъ его звали товарищи, былъ коноводомъ въ классѣ и большимъ затѣйникомъ.

Учился Вася хорошо, но шалуноу былъ отчаянный, и очень часто его баллъ изъ поведенія бывалъ на ущербѣ.

очень хорошими отмѣтками по разнымъ наукамъ и не съ очень-то жирнымъ отзывомъ о поведеніи.

Но это его мало безпечило, онъ думалъ совсѣмъ не о томъ. Какъ и всегда, онъ изобрѣталъ теперь „штуку“, т. е. такую забаву, которая заставила бы ахнуть его друзей-приятелей. А Вася какъ разъ сегодняшнимъ вечеромъ назначилъ имъ свиданіе въ рождѣ около своего дома, и надо было что-нибудь придумать удивительное.

— Ничего не придумаешь особен-

наго!—съ досадою разсуждалъ самъ съ собой Вася, присаживаясь на скамеечку и засовывая въ ротъ оставшійся отъ завтрака кусокъ булки:— катанье на лодкѣ, уженье рыбы, даже ловля рыбы бреднемъ— все это хорошо, да только особеннаго-то тутъ ничего нѣтъ. Можно, правда, придум-

Вдругъ онъ увидѣлъ на другомъ концѣ бульвара шумѣвшую толпу народа. Очень любознательный и охотникъ до всякихъ зрѣлищъ, Вася поспѣшилъ туда.

— Аэроплантъ!... аэроплантъ!... — кричали въ толпѣ и всѣ стояли съ поднятыми вверхъ головами.

Вася посмотрѣлъ въ небо и увидѣлъ огромную искусственную птицу, быстро мчащуюся надъ городомъ. Вотъ она становится все меньше и меньше, наконецъ, превращается въ черную точку и исчезаетъ изъ глазъ.

Вася Куликовъ хлопнулъ себя по лбу и воскликнулъ;

— Нашель! Вотъ оно: аэроплантъ! построимъ аэроплантъ— и полетимъ подь небеса!

Съ этими словами Куликъ дѣйствительно полетѣлъ, но только не подь небеса, а во весь духъ по бульвару домой.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже дома, сбросилъ съ себя въ прихожей пальто и ранецъ и влетѣлъ

мать какую-нибудь игру, ну— хоть про то, какъ Ермакъ Сибирь покорилъ. Такъ вѣдь и это ужъ было въ прошломъ году, и тогда я же Ермакомъ былъ и чуть не утонулъ, спасаясь отъ враговъ вплавь черезъ рѣку.

Вася доѣлъ булку и нахмурился.

— Вотъ развѣ какое-нибудь путешествіе устроить?—

началъ опять разсуждать Вася;— дѣ и это ужъ было! Вѣдь прошлой осенью мы встроимъ съ Колей Грешневымъ и Сережей Буховымъ, путешествовали въ Америку, да такъ перемерзли, что только до Никольскаго монастыря и дошли, попросились ночевать, а насъ, рабовъ Божіихъ, тамъ и спали.

Вспомнивъ объ этомъ, Вася расхохотался во все горло и оглядѣлся вокругъ съ испугомъ.

— Хорошо, что никого на бульварѣ нѣтъ, а то еще подумали бы, что я сумасшедшій,— сказалъ мальчикъ и всталъ со скамейки.

въ столовую, какъ вихрь.

Родители сидѣли уже за обѣдомъ и съ удивленіемъ смотрѣли на своего любимца.

— Вася! что съ тобой!— воскликнула съ тревогой мать.

— Отчего ты къ обѣду опоздалъ?— спросилъ отецъ.

— Я хочу строить аэропланъ и летать, какъ Блэріо, какъ Сантасъ-Дюмонъ, какъ братья Райтъ и вообще, какъ птицы!—выпалилъ Вася однимъ духомъ.

Отецъ откинулся на спинку стула и громко расхохотался.

— Новая штука?—спросилъ онъ, продолжая смѣяться.

А мать долго глядѣла на сына широко раскрытыми глазами и потомъ сказала:

— Ну, ужъ этому-то не бывать!

— Полно раньше времени волноваться, Вѣрочка, никуда онъ не полетитъ,—успокоилъ ее мужъ, а потомъ, обратившись къ сыну, спросилъ:—вотъ что, милостивый государь, господинъ будущій Блэріо, пока еще вы не успѣли улетѣть отсюда, не мѣшало бы познакомить насъ съ вашими школьными отмѣтками.

Вася нѣсколько смутился, вспоминая, что тамъ говорилось о его поведеніи, но все-таки побѣждалъ и принесъ свидѣтельство, выданное изъ школы. Отецъ взялъ его и прочелъ вслухъ.

— Все это прекрасно, — сказалъ онъ потомъ:—успѣхи въ наукѣ отличные, а поведеніе опять съ червоточинкой. Знаешь что, Васюкъ, я тебѣ скажу откровенно: если ты съ будущаго года не исправиться, то и на аэропланъ своемъ далеко не улетишь, во всякомъ случаѣ, не полетишь на немъ даже черезъ свою школу.

Вася сидѣлъ смущенный и смотрѣлъ въ тарелку съ супомъ.

— Ну, ужъ оставь его, Александръ,—заступилась за Васю мать:—дай ему

поѣсть, вѣдь онъ проголодался. Да и все же перешелъ въ слѣдующій классъ, а къ осени, быть можетъ, и поумнѣнетъ.

— Надѣюсь, что такъ,—согласился отецъ и потомъ обратился къ сыну съ улыбкой:—такъ ты хочешь строить аэропланъ?

Вася оживился и отвѣчалъ:

— Да, папа, аэропланъ, настоящій аэропланъ.

— Да вѣдь ты ихъ сколько уже выстроилъ изъ бумаги?

— Да тѣ не настоящіе, а я хочу построить настоящій, — волновался Вася.

Отецъ опять расхохотался, его забавляла такая смѣлость въ сынѣ.

— Ну, хорошо, — наконецъ, сказалъ онъ: — разрѣшаю тебѣ, строй аэропланъ. Посмотримъ, что изъ этого выйдетъ. Все-таки это лучше, чѣмъ покореніе давно покоренной Сибири и путешествіе пѣшкомъ въ Америку черезъ Атлантическій океанъ. По крайней мѣрѣ, твоя новая штука будетъ совершаться дома и здѣсь нѣтъ опасности утонуть въ рѣкѣ или замерзнуть у воротъ Никольскаго монастыря.

Вася пробѣжалъ, бросилъ недоѣденное кушанье и кинулся цѣловать отца и мать.

Отецъ, конечно, очень скоро отъ него отвязался, а матери онъ все-таки успѣлъ смять и платье, и прическу. Но, не смотря на это, Вѣра Николаевна не была на него въ обидѣ и весело смѣялась вмѣстѣ со всѣми.

Авиаторъ.

Путешествіе на луну.

(Продолженіе).

Еще солнце не успѣло сѣсть за рѣкой, а Вася Куликовъ былъ уже въ роуцѣ на «Веселой полянѣ», какъ онъ и его пріатели прозвали широкую луговину, пестрѣвшую бѣло-розовой кашкой и полевой геранью.

Надъ поляной съ гудѣньемъ носились еще пчелы, собирая съ кашки вечернюю «взятку», и въ то же время, мѣшая имъ, откуда-то взялись и сумеречныя бабочки, предвѣстницы вечера.

Вася прибѣжалъ на поляну весь сіяющій. Онъ еще и до сихъ поръ не пережилъ радости послѣ разговора за обѣдомъ съ своими родителями.

На «Веселой полянѣ» его уже дожидались.

Здѣсь былъ и Коля Грешневъ, и Сережа Буховъ. съ которыми Вася путешествовалъ въ Америку, и серьез-

ный Степа Горошкинъ, котораго за его ученость и вдумчивость прозвали Мудрецомъ, и наконецъ сестра Сережи Бухова, веселая и жизнерадостная Маня-мальчуганъ, прозванная такъ за то, что она ни въ какихъ играхъ не оставала отъ мальчиковъ, хотя и была уже въ третьемъ классѣ гимназій.

Вся эта милая компанія встрѣтила бѣжавшаго къ нимъ съ горки Васю хлопаньемъ въ ладоши и криками:

— Куликъ летитъ! Куликъ! Куликъ на своемъ болотѣ великъ! Куликъ!..

— Здравствуйте, друзья!—отвѣчалъ Вася, прямо съ размаха попадая въ объятія широкоплечему Сережѣ Бухову, который растопырилъ предъ нимъ руки.

Буховъ не удержался на ногахъ, и оба повалились въ душистую кашку.

— Куча мала! — закричалъ Коля

Грешневъ и упалъ на нихъ, подкосивъ подъ пожку Мудреца Степу Горошкина.

— Я вамъ задамъ моего Кулика обижать!—закричала Маня-мальчуганъ и начала оттаскивать мальчиковъ отъ Васи.

— Пустите! пустите!—кричалъ Вася, отмахиваясь отъ своихъ друзей и подымаясь на ноги.— Я вамъ новость скажу!

— Говори, говори!—закричали мальчики такъ громко, что грачи, только что усѣвшіеся въ своихъ гнѣздахъ на ночлегъ, вновь поднялись съ безпокойнымъ крикомъ и начали кружиться надъ поляной.

— Ну вотъ! Развѣ можно съ вами о серьезномъ дѣлѣ разговаривать, Эхъ? народъ!—укоризненно сказалъ Вася, отходя въ сторону.— Подите, Манечка, сюда. Я вамъ одной скажу. Они настоящіе дураки, ничего не понимаютъ! Сразу облапнить, закричать! даже всѣхъ грачей въ рощѣ перепугали, развѣ такъ въ серьезномъ дѣлѣ можно?

— Правда, Куликъ! правда, мой милый Куличокъ, они ничего не понимаютъ, эти мальчишки!—говорила Маня, очень польщенная тѣмъ, что Вася ее отличилъ передъ всѣми своимъ довѣріемъ.

Коля Грешневъ и Сережа Буховъ стояли смущенные.

А Мудрецъ - Горошкинъ разсматривалъ въ это время упавшую въ траву пчелу.

— Бѣдняжка! — говорилъ онъ, — обезсилѣла передъ вечеромъ, вотъ и не можешь летѣть.

— Полетимъ! — шепнулъ Вася на ухо Манѣ-Мальчугану: полетимъ! Пала позволилъ мнѣ строить аэропланъ.

— Настоящій?—тоже шептомъ спросила Маня.

— Еще бы не настоящій! Вѣдь бумажныхъ-то я сколько построилъ!—отвѣчалъ Вася.

— Настоящій аэропланъ?—громко воскликнула Маня и всплеснула руками.

— Гдѣ... Гдѣ аэропланъ?—закричали Коля Грешневъ и Сережа Буховъ и подняли головы вверхъ.

— Да вонъ тамъ! да вонъ тамъ! ха-ха-ха!—смѣялся Вася:— Это Влеріо летитъ изъ Франціи въ Англію черезъ проливъ Ламаншъ, ха-ха-ха!

Всѣ смотрѣли вверхъ.

А въ это время надъ ихъ головами

кружились опять обезпокоенные смѣхомъ Васи грачи.

— Ну, эти грачи скорѣе похожи на Сантосъ-Дюмона, чѣмъ на Влеріо,—серьезно сказала Степа-Мудрецъ.

— Почему, Степа?—спросила Маня.

— Да вѣдь Сантосъ-Дюмонъ такъ же кружился на своемъ аэропланѣ вокругъ Эйфелевой башни,—отвѣчалъ Степа.— А потомъ этотъ Сантосъ запугался, какъ и грачи въ вѣтвяхъ, вѣтелеграфной проволоки и повисъ надъ крышей пятиэтажнаго дома. Я недавно объ этомъ читалъ.

— А что же потомъ съ нимъ было? — съ живымъ интересомъ спросилъ Сережа Буховъ.

— А потомъ онъ висѣлъ до тѣхъ поръ, пока не пріѣхали пожарные со своими высокими лѣстницами и не сняли его съ крыши пятиэтажнаго дома,—отвѣчалъ за Степу Вася Куликовъ.

— Вася, а вы какой же аэропланъ хотите строить? — спросила шепотомъ Маня.

— Кто? онъ? строить аэропланъ? съ удивленіемъ спросилъ Степа - Мудрецъ, услыхавъ этотъ вопросъ.

— Да, я буду строить аэропланъ, мои милые друзья!—весело отвѣчалъ Вася, сложивши руки на груди понаполеоновски.— Буду строить аэропланъ,—продолжалъ онъ,—и приглашаю васъ помогать мнѣ. А потомъ... потомъ мы всѣ вмѣстѣ полетимъ...

— На луну?!—закончилъ Коля Грешневъ со смѣхомъ.

— Ну, хоть не на луну, а поближе, да все-таки полетимъ,—возразилъ Вася.

— Конечно, сверху-то внизъ полетимъ, ха-ха-ха! — засмѣялся Сережа Буховъ.

— Аэропланъ построить—это хорошо, — задумчиво сказалъ Степа Горошкинъ,—только вѣдь вотъ братья Райты строили свой аэропланъ чуть не десять лѣтъ.

— Вотъ чудакъ какой!—воскликнула Маня.— Вѣдь Райты были изобрѣтателями, а мы возьмемъ готовенькое и по ихъ же плану построимъ аэропланъ. Мой Сережа отлично столярничаетъ, да и я ему помогать могу, Вася Куличокъ прекрасно рисуетъ и можетъ составить чертежи разныхъ частей, Коля Грешневъ на всѣ руки мастеръ;

ну а вы, Мудрецъ. будете намъ показывать какъ и что дѣлать, потому что у васъ вся голова книжками набита.

— Bravo, bravo! — закричалъ Коля Грешневъ, а всѣ остальные его подержали.

Вся поляна уже погрузилась во мракъ, и въ лѣсу стало сыро. На небѣ засверкали звѣзды и восходила луна.

— Пора домой, пора! — обратилась Маня къ брату, — намъ дома опять попадетъ, что долго пропадаемъ.

— Не привыкать стать, — махнулъ Сережа рукой, — мы сегодня первый день каникулъ справляемъ.

— Такъ вотъ что, господа, — обратился Вася къ товарищамъ на прощанье, — завтра же утромъ приходите ко мнѣ въ садъ въ бесѣдку, тамъ и работать будемъ.

— Ладно! Придемъ! — кричали ему друзья, удаляясь.

— Манечка, непременно приходите! — кричалъ Вася съ горки.

— Ужъ я-то приду! — отозвалась Маня изъ темноты.

Довольный и веселый возвратился Вася домой.

— Что это у васъ за таинственный видъ, милѣйшій Блеріо? — спросилъ его шуточно отецъ, когда они сидѣли за чайнымъ столомъ.

— Завтра начинаемъ строить аэропланъ, — съ важнымъ видомъ, но все таки улыбаясь, заявилъ Вася.

Отецъ такъ и покатился со смѣху.

— А послѣ постройки аэроплана куда изволите путь держать? ужъ не на луну ли? — спросилъ онъ.

— Быть можетъ, и на луну, — съ достоинствомъ отвѣтилъ Вася.

Отецъ опять засмѣялся.

— Ужъ больно вы прытки, — замѣтилъ онъ. — Ну, да Богъ съ вами, поѣзжайте хоть и на луну.

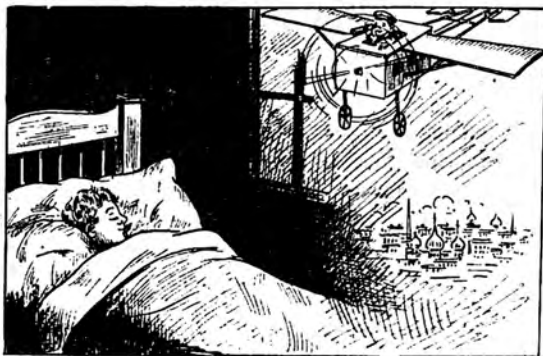
— Только назадъ возвращайтесь поскорѣе, — смѣясь говорила мать.

— Вернемся, мамочка, вернемся! — отвѣчалъ Вася, обнимая и цѣлуя Вѣру Николаевну.

Долго въ этотъ вечеръ ворочался Вася въ своей постели и никакъ не оги заснуть: голова его была полна всякихъ мыслей.

Авиаторъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Путешествіе на луну.

(Продолженіе).

Вася никакъ не могъ понять, какъ онъ попалъ на «Веселую поляну». Помнилъ онъ только, что съ вечера очень крѣпко заснулъ, а какъ очутился на полянѣ, не могъ припомнить.

Да это впрочемъ и не важно, а важно то, что было ясное лѣтнее утро, и вокругъ Васи толпились и шумѣли всѣ его друзья. Тутъ были и Петя Горошковъ, и Коля Грешневъ, и Сережа Буховъ, и Маня-мальчуганъ.

— Пора за работу! пора за работу! Давайте же скорѣй строить аэропланъ!—кричали Васины товарищи.

— Аэропланъ! Какой аэропланъ? спрашивалъ Вася Куликовъ и усиленно теръ себѣ лобъ что-то припоминая.—Ахъ, да!—воскликнулъ онъ:—теперь я вспоминаю! Вѣдь мы хотѣли строить аэропланъ на нашей «Веселой полянѣ»?

— Ну да, да!—кричали его друзья:—развѣ ты не помнишь, что твой папа разрѣшилъ тебѣ строить аэропланъ?

— Правда, правда!—подтвердилъ Вася Куликовъ.—Но вотъ въ чемъ вопросъ: какъ я попалъ опять на «Веселую поляну»? Я помню какъ я вчера вечеромъ заснулъ у себя въ постели, а какъ попалъ сюда къ вамъ, хоть убей не помню.

— Ха, ха, ха!—залилась звонкимъ

смѣхомъ Маня-мальчуганъ:—да вѣдь васъ, милый Вася Куличокъ, и убивать-то не нужно, потому что кулики поютъ на болотѣ только до Петрова дня, а Петровъ день уже прошелъ, и теперь далеко, далеко кулику до Петрова дня!

— Какъ прошелъ?!—удивился Вася:—вѣдь мы только въ концѣ мая окончили экзамены, значить вчера?

— Ф-ю-ю-ю!—засвисталъ Сережа Бутровъ:—экъ хватился! А сколько времени мы надъ аэропланомъ-то работаемъ? уже больше мѣсяца.

— Да неужели?!—удивился Вася Куликовъ.

— Совершенно вѣрно,—вмѣшался въ разговоръ разсудительный Петя Горошковъ:—вотъ твои игрушечные аэропланы-модели, а вотъ мои чертежи,—и онъ указалъ на громадный столъ съ чертежной гладкой доской.

Вася Куликовъ слушалъ и не вѣрилъ своимъ ушамъ, глядѣлъ и не вѣрилъ глазамъ—откуда явился столъ на «Веселой полянѣ», когда кромѣ травы, кустовъ и цвѣтовъ на этой полянѣ ничего раньше не бывало.

— Удивительно!—сказалъ Вася.—Ну да все равно, давайте строить аэропланъ. Горошекъ, покажи свои чертежи, такъ ли все это у тебя выходитъ.

Петя Горошковъ развернулъ на столѣ чертежи и началъ объяснять.

— Вотъ это аэропланъ Райта,—говорилъ онъ:—вѣдь ты знаешь, что братья Райтъ первые побѣдили воздухъ, они первые стали летать на далекия разстоянія на своемъ аэропланѣ.

— Да, да! я читалъ о нихъ,—перевилъ его Вася Куликовъ!—Да, вѣдь, вотъ же у меня и мой бумажный аэропланъ построенъ по ихъ образцу,—и Вася взялъ въ руки модель аэроплана братьевъ Райтъ.

Всѣ съ интересомъ рассматривали летательную машину.

— Хитрая штука!—сказалъ Коля Грешневъ, рассматривая модель аэроплана Райта.—А зачѣмъ же у него эта крыша?

— Въ ней-то вся и сила,—отвѣчала Вася Куликовъ:—вѣдь ты дѣлалъ когда-нибудь воздушные змѣи?

— Дѣлалъ,—отвѣчалъ Коля.

— Такъ вѣдь аэропланъ тотъ же воздушный змѣй,—сказалъ Вася:—своей крышей и своимъ низомъ онъ упирается въ воздухъ, какъ бумажный змѣй. Только для того, чтобы онъ держался въ воздухѣ и двигался впередъ, къ нему вмѣсто веревки придрѣланъ моторъ съ пропеллеромъ.

— Пропеллеръ—это винтъ съ большими лопастями или крыльями, какъ у винтового парохода,—пояснилъ Петя Горошковъ.

— А моторъ?—спросила Маня.

— Моторъ—это керосиновый или бензиновый двигатель,—сказалъ Коля:—этотъ двигатель заставляетъ вертѣться винтъ или пропеллеръ съ невѣроятной быстротой, быстрѣе самаго сильнаго вѣтра. Вотъ это-то вращеніе винта и позволяетъ аэроплану держаться въ воздухѣ и двигаться впередъ съ такой быстротой, которой не достигалъ еще никакой желѣзнодорожный поѣздъ.

— Да,—сказалъ Сережа Буховъ,—

я читалъ, что на аэропланѣ пролетали до ста восьмидесяти верстъ въ часъ.

— Совершенно вѣрно,—подтвердилъ Петя Горошковъ:—только на аэропланѣ Райтовъ такой быстроты не достигнешь, да теперь уже онъ и не употребляется. Есть много другихъ системъ аэроплановъ, гораздо лучшихъ, болѣе устойчивыхъ въ воздухѣ и болѣе послушныхъ въ рукахъ пилота, т.-е. человѣка, который управляетъ машиной.

— На какомъ же мы полетимъ?—спросила Маня-мальчуганъ.

— По-моему, самое лучшее на Фарманѣ,—сказалъ Горошковъ.

— Нѣтъ, Горошекъ, лучше ужъ на аэропланѣ Блеріо, вѣдь онъ перелетѣлъ черезъ Ламаншъ изъ Франціи въ Англию,—сказалъ Сережа Буховъ,

— Нѣтъ, господа!—воскликнулъ Вася Куликовъ:—вѣдь намъ летѣть придется всѣмъ вмѣстѣ, а насъ пять человѣкъ, и никакой аэропланъ не подыметъ насъ, кромѣ аэроплана русскаго изобрѣтателя Сикорскаго. Его машина подымаетъ даже больше восьми человѣкъ!

— Bravo!—воскликнулъ Коля Грешневъ.—Мы на такомъ аэропланѣ можемъ и на луну залетѣть!

— Отчего же и не такъ?—серьезно подтвердилъ Горошковъ:—съ такой быстротой можно попасть и на луну, только нужно запастись провизіей и приспособленіями для дыханія потому, что на лунѣ воздуха вѣдь нѣтъ.

— Это все пустяки, все это мы устроимъ!—заявилъ Вася.—Прежде всего нужно построить аэропланъ. Да не такой какъ у Блеріо, Райта и Фармана, даже не такой какъ у Сикорскаго, а гораздо, гораздо лучше. Я уже придумалъ такой аэропланъ, что мы съ нимъ залетимъ прямо на луну.

— Bravo! Bravo, Куликъ! Bravo, Куличокъ!—кричали его друзья.

Авіаторъ.

(Продолженіе будетъ).

Путешествіе на луну.

На Веселой полянѣ было необычайное оживленіе.

Всѣ были за работой.

Затѣйникъ Вася Куликовъ и мудрецъ Горошковъ распоряжались и давали указанія, и Коля Грешневъ, Сережа Буховъ и Маня-Мальчуганъ пилили, строгаали, рубили и приколачивали разныя планки, дощечки и стойки.

Въ это же время на Веселую поляну откуда-то подвозили разные матеріалы, готовые металлическія части аэроплана и, наконецъ, привезли даже цѣлыхъ шесть двигателей (моторовъ).

— Это что за машины такія? — спросилъ, указывая на нихъ, Сережа Буховъ.

— Это моторы или иначе двигатели, — пояснилъ Вася: — ими-то и будутъ приводиться въ движеніе пропеллеры, или воздушные винты нашего аэроплана.

— Зачѣмъ же ихъ шесть? — спросила Маня-Мальчуганъ: — на аэропланѣ Сикорскаго «Илья Муромецъ» ихъ всего четыре, и онъ подымаетъ восемь человекъ, а насъ всего пять.

— Мало ли что у Сикорскаго! — возразилъ Вася: — нашъ мудрецъ Горошковъ изобрѣлъ аэропланъ лучше Сикорскаго, мы по его чертежамъ и строимъ.

— Намъ вѣдь нужно взять много сѣстныхъ припасовъ и большой за-

пась бензину, — вмѣшался Горошковъ:—да кромѣ того во время путешествія моторы могутъ и портиться, а потому запасные двигатели необходимы.

Пока друзья разговаривали, извозчики все подвозили и подвозили разные вещи и товары. Привезли жестянки съ бензиномъ и смазочнымъ масломъ и выгрузили цѣлую гору съѣстныхъ припасовъ: копченой колбасы, ветчины, разныхъ консервовъ и печеня.

Отъ всего этого такъ вкусно пахло, что Вася не утерпѣлъ и предложилъ всѣмъ хорошенько подкѣрпиться передъ путешествіемъ.

Никто не заставилъ просить себя второй разъ, и всѣ съ удовольствіемъ расположились вокругъ закусокъ, весело болтая.

— Вотъ-то удивятся наши родные, когда узнаютъ, что мы отъ нихъ улетѣли,—замѣтила Маня.

— А потомъ и попадетъ же намъ, ой, ой, ой! — добавилъ Коля Грешневъ, уписывая за обѣ щеки вкусную ветчину.

— Ну, это еще когда попадетъ!—возразилъ Сережа Буховъ:—вѣдь мы вернемся-то не скоро, лишь бы только улетѣть благополучно.

— А когда же мы полетимъ?—спросила Маня.

— Да часика черезъ два,—отвѣчалъ Горошковъ,

— Такъ скоро!—удивилась Маня.

— Да вѣдь долго ли намъ построить аэропланъ? глянь да ляпъ, вотъ и вышелъ воздушный корабль,—отвѣчалъ Вася.

— Отдѣльные части всѣ готовы,—добавилъ Горошковъ:—теперь только собрать ихъ.

— За работу, за работу!—крикнулъ вскакивая Сережа Буховъ:—а то, пожалуй, насъ здѣсь накроютъ, тогда и не улетишь.

Всѣ принялись за работу, и, какъ по щучьему велѣнью, громадный аэропланъ былъ готовъ меньше чѣмъ въ два часа.

Онъ былъ похожъ на огромную коробку на колесахъ съ большими винтами въ родѣ пароходныхъ, спереди и сзади. Посрединѣ этой коробки была

обширная каюта со всѣми удобствами для отдыха и занятій. Впереди было устроено машинное отдѣленіе, а сзади кладовыя для припасовъ и инструментовъ.

— Но какъ же этотъ удивительный домъ полетитъ въ воздухъ?—спросила Маня-Мальчуганъ.

— Да это очень просто,—отвѣчалъ Вася Куликовъ:—вѣдь аэропланъ тотъ же змѣй. Какъ змѣй подымается въ воздухъ, упираясь въ него, такъ и аэропланъ. Только у змѣя заставляетъ упираться въ воздухъ хвостикъ, а здѣсь быстрее вращеніе пропеллера.

— Да вѣдь змѣй-то на мѣстѣ стоитъ, а аэропланъ двигается впередъ,—возразилъ Сережа Буховъ.

— Это потому,—объяснилъ мудрецъ Горошковъ,—что пропеллеры вращаются съ страшною быстротою и отталкиваютъ отъ себя воздухъ, какъ пароходный винтъ воду. Воздухъ жиже воды, рѣже ея, а потому и нужно, чтобы винтъ, пропеллеръ, въ аэропланѣ вращался съ страшною быстротою. Если винтъ остановится, то аэропланъ упадетъ внизъ какъ камень.

— Ахъ, какъ страшно!—воскликнула Маня:—значить, и мы такъ же?

— Ну, зачѣмъ же?—засмѣялся Вася:—вѣдь мы будемъ летѣть на аэропланѣ Сикорскаго, или лучше сказать Горошкова.

— Ахъ, вотъ кстати!—воскликнулъ Коля Грешневъ:—какъ же мы назовемъ нашъ аэропланъ?

— Аэропланъ Сикорскаго называется «Илья Муромецъ»,—сказалъ Вася.

— Ну, намъ-то ужъ это названіе не къ лицу!—сказалъ Коля:—мы построили аэропланъ больше чѣмъ у Сикорскаго.

— Назовемъ его «Добрыней Никитичемъ»,—вмѣшался Сережа Буховъ.

— Да просто назовемъ его Богатыремъ. Богатырь—и больше ничего,—предложила Маня.

— Отлично!—воскликнулъ Вася Куликовъ:—давайте писать ему вывѣску.

— Фу, Куличокъ! какую вывѣску? Вывѣски только на лавкахъ,—возмутилась Маня.

— Не вывѣску, а имя,—успокоилъ Горошковъ.

Сейчасъ же появилось полотно на столѣ, гдѣ были чертежи аэроплановъ, и Коля Грешневъ, какъ лучший изъ всѣхъ рисовальщикъ, вывелъ красивыми красными съ синимъ буквами: «Богатырь».

— Ну, когда же летѣть?—спрашивала съ нетерпѣніемъ Маня.

— Сейчасъ, Маня, не кипятитесь,— успокаивалъ дѣвочку Вася:— вотъ вывѣску прибьемъ къ аэроплану и полетимъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Авиаторъ.

Путешествіе на луну.

Красивая, яркая вывѣска скоро была прикрѣплена на передней части «Богатыря», и аппаратъ, казалось, готовъ былъ въ любую минуту сорваться съ мѣста и, послушный управленію, умчаться въ высъ.

— Пойдите, господа! — закричалъ Степа Горошкинъ, глубокомысленно потирая лобъ. — А вѣдь мы чуть не забыли одного важнаго обстоятельства. Вѣдь, надо же намъ установить сношеніе съ землей? Иначе мы не будемъ знать что дѣлается на землѣ и не сможемъ подать о себѣ вѣсть. Я вспоминаю, что мы не взяли съ собой аппаратовъ и приборовъ радіотелеграфной станціи.

— Ну, это, братъ, ты прозѣваль, — отвѣтилъ ему Вася. — Объ радіотелеграфѣ я не забылъ, а только не успѣлъ установить его на аэропланѣ. Я думаю, что это надо сдѣлать теперь же. Во время полета мы будемъ нѣкоторое время получать извѣстія съ земли, это будетъ и полезно для нашего путешествія, и пріятно. То-то будутъ поражаться станціи на землѣ, когда мы имъ протелеграфируемъ: — «Путешественники на луну съ дороги сообщаютъ о своемъ благополучномъ слѣдованіи».

— Bravo, Bravo! — воскликнула Маня, дожевывая бутербротъ съ сочной ветчиной и готовясь закусить душистой грушей.

— Это здорово придумано! — баскомъ поддакнулъ сестрѣ Сережа, и вся компанія дружно принялась за работу по установкѣ въ передней части «Богатыря» беспроволочнаго телеграфа.

— Вотъ и готово! — съ радостью закричалъ Вася, когда были окончены послѣдніе сборы къ полету. — Теперь намъ остается попробовать аппаратъ, распредѣлить между собою, кому что дѣлать во время полета, и маршъ въ путь!

Вася внимательно осмотрѣлъ весь аэропланъ, провѣрилъ всѣ натяженія крыльевъ, убѣдился въ прочности резервуаровъ съ бензиномъ и назначилъ Степу Горошкина завѣдующимъ механическую частью.

— Управлять аэропланомъ мы будемъ съ тобой по очереди. Но слѣдить за исправностью механизма и производить наблюденія будешь ты. Въ училищѣ ты сильнѣе меня былъ по математикѣ. Мнѣ хотя за уравненія первой степени и ставилъ «Козель» (такъ прозвали у насъ въ училищѣ учителя алгебры за его длинную бороду и сердитый нравъ) четверку съ минусомъ, а у тебя все же были пятки.

— А ты, Сережа, возьми на себя хозяйственную часть, въ очередь съ Маней. Только поглядывай за ней, да и самъ не балуй. Тамъ въ кладовой много вкусныхъ вещей, смотрите, не соблазнитесь. Дорога не близка, да и неизвѣстно, покормятъ ли насъ еще на лунѣ-то. Ну, теперь, кажется, все,—

закончилъ Вася и предложилъ товарищамъ занять мѣста въ каютѣ.

— Начинаемъ пробу! — весело крикнулъ Вася, послѣднимъ вскочивъ въ гондолу и взявшись за руль.

— Ура! Ура! Ура! — завопила вся команда, когда затрещали передніе пропеллеры и «Богатырь» отдѣлился отъ земли.

Молодые авіаторы были поглощены новыми впечатлѣніями. Чувство свободы, самостоятельности поднимало ихъ настроеніе, и даже Сережа съ Маней не увлекались обслѣдованіемъ порученной имъ хозяйственной кладовой и съ восторгомъ слѣдили за уходившими все больше вдаль и внизъ полями и лѣсами милой земли.

— Ахъ, какая прелесть! — кричала Маня.

— Недурно — басилъ Сережа, въ то время какъ Степа внимательно оглядывалъ машины, а Вася управлялъ аппаратомъ.

— Хорошо-то, хорошо, — проговорилъ послѣдній, — опытъ удается, но все таки намъ надо «приземиться» пока не темно, а то не будемъ знать, какъ нашъ «Богатырь» будетъ «прилуниваться», когда доберемся до старой знакомки, — и авіаторъ началъ планирующій спускъ, выключивъ и остановивъ моторъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Авіаторъ.

Путешествіе на луну.

Быстро пошелъ внизъ „Богатырь“, увлекаемый собственной тяжестью.

Но Вася умѣло дѣйствовалъ рулемъ, и аэропланъ, какъ громадная птица, распластавшая крылья, плавно и медленно описывая круги, сталъ приближаться къ землѣ.

Снова замелькали внизу темныя полосы лѣса, вперемѣшку съ зелеными лужайками, побѣжали узенькія полоски пашень, желтыя, зеленыя, сѣроватыя, серебристой веселой струей выглянула рѣчка, и огромнымъ пятномъ открылся ровный лугъ, усѣянный знакомыми, веселыми цвѣточками, дѣлавшими его похожимъ на узорчатый коверъ.

— Вотъ хорошее мѣсто для спуска, — воскликнулъ Коля Грешневъ, которому не было дано особаго порученія на „Богатырь“ и который поэтому велъ наблюденія за полетомъ, за скоростью, слѣдилъ за температурой воздуха и имѣлъ въ распоряженіи телеграфную станцію.

— Это вѣрно, — поддакнулъ Вася и началъ спускъ.

„Богатырь“ былъ уже недалеко отъ земли; вотъ-вотъ его колесики готовы были коснуться почвы, какъ вдругъ какой-то крикъ сзади заставилъ Васю оглянуться, невольно потянувъ на себя руль управленія и включивъ моторъ.

Аэропланъ рванулся впередъ, быстро забралъ вверхъ, какъ испуганная птица, и было время.

Внизу по землѣ за нимъ бѣжали люди, что-то кричали, махали руками,

видимо желая, чтобъ воздушный конь съ неизвѣстными пассажирами опустился внизъ.

— За нами погоня, — проговорилъ Степа, наблюдавшій въ нижнее окно каюты за удалявшимися точками людей.

— Теперь не догонять! — откликнулся Вася, успѣвшій уже выровнять аппаратъ и дать ему скорость. — Видимо, не придется приземиться, — продолжалъ руководитель экспедиціи.

— За нами вездѣ теперь слѣдятъ, всюду теперь дали объ насъ телеграммы — замѣтила Маня, а Степа немедленно привелъ въ дѣйствіе свой радиотелеграфъ, и черезъ минуту, двѣ, перехваченныя электрическія воздушныя волны дали на лентѣ ясный оттискъ сообщеній объ ихъ бѣгствѣ.

— Значить, надо итти вверхъ, — заключилъ Вася, — прямо по задуманной дорогѣ.

— На луну! на луну! — подхватили остальные путешественники, весело всматриваясь въ выплывшую изъ-за облаковъ загадочную красавицу, обливавшую своими блѣдными, холодными лучами далеко оставшуюся внизуземлю.

„Прощай, земля!“ мысленно твердили наши путешественники, довольные новыми ощущеніями, новыми открывающимися картинами.

Ровный шумъ моторовъ не мѣшалъ имъ потихоньку дѣлиться первыми впечатлѣніями дороги; дѣла пока еще не было; авіаторъ Вася увѣренно велъ

аппаратъ, все приближаясь къ густой кучѣ облаковъ, за которыми мѣстами, черезъ просвѣты, выглядывали яркія звѣздочки.

Все шло благополучно, пока аппаратъ не попалъ въ глубокую воздушную яму, громадную по размѣрамъ настолько, что Васѣ пришлось включить въ дѣйствіе и запасные моторы, чтобы ослабить силу внезапнаго паденія.

Это спасло „Богатырь“, но Вася, все же чувствовалъ, что въ управленіи аэроплана что-то не совсѣмъ ладно. Заднюю часть аппарата, хвостъ его, все какъ-то оттягивало внизъ.

— Коля, погляди-ка, нѣтъ ли чего тамъ подь каютой! — крикнулъ Вася Грешневъ.

Коля нагнулся къ иллюминатору, взглянулъ въ темное, разстлавшееся подь нимъ пространство и замѣтилъ на перекладнѣ шасси какую-то темную массу.

— Что-то есть! — крикнулъ Коля наверхъ. — А что — никакъ не разберу, — темно.

— Посвѣти прожекторомъ, — посоветовалъ Степа, наблюдавшій сбоку изъ своего окошка.

— Тамъ мальчикъ! — пассажиръ на „Богатырь“! — громко закричала Маня, первая разглядѣвшая прижавшуюся на тонкой перекладнѣ фигуру.

— Спустите ему лѣстницу веревочную черезъ нижній люкъ, — командовалъ Вася, нѣсколько убавивъ ходъ моторовъ и дѣлая отлогій спускъ.

Быстро открыла команда нижній люкъ, выпустила лѣстницу, и Сережа закричалъ внизъ, громко, насколько позволялъ его басившій голосъ:

— Эй, ты, тамъ, бери веревку, влезай сюда!

Черезъ минуту въ отверстіе люка показалась растрепанная фигурка мальчика, съ всклокоченными волосами и испуганными глазами.

Новый пассажиръ „Богатыря“, очутившись въ каютѣ, все еще не могъ

прійти въ себя и испуганно осматривался.

Вся компанія осыпала его вопросами: „Какъ, что, откуда?“, разглядывая новаго товарища, деревенскаго мальчика, который былъ въ материнской кацавейкѣ, съ смѣшно набитой оттопырившейся пазухой.

— Какъ ты попалъ сюда? — началъ допрашивать незнакомца Вася, уступившій свое мѣсто у руля Степа. Теперь первый испугъ невольнаго авиатора видимо прошелъ, и способность говорить вернулась къ нему.

Незнакомецъ, оказавшійся новымъ пассажиромъ „Богатыря“, былъ сыномъ крестьянской вдовы изъ деревни Пустопорожнее Мѣсто, верстъ за 500 отъ Веселой Поляны. По его разказу, довольно безтолковому, можно было однако установить, что причиной его появленія на аэропланѣ былъ спускъ аппарата на землю.

Когда „Богатырь“ дѣлалъ попытку сѣсть на лугу, Ванюшка Горемыкинъ (такъ звали мальчика) ловилъ въ это время убѣжавшую изъ дома свою любимую кошку Маруську.

Поймавъ кошку, Ванюшка уже посадилъ ее себѣ за пазуху, какъ вдругъ какая-то громадная тѣнь накрыла его. Невольно зажмуривъ отъ страха глаза, Ванюшка присѣлъ на корточки, и въ это время его что-то подхватило. Взмахнувъ руками, Ванюшка ухватился за какія-то проволоки и, ошеломленный толчкомъ, старался не двигаться съ мѣста, чувствуя, что онъ летитъ куда-то впередъ и вверхъ.

Вотъ краткая исторія того, какъ на „Богатырь“ очутился новый пассажиръ и даже не одинъ, а съ кошкой Маруськой.

Авиаторъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Путешествіе на луну.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Такимъ образомъ на „Богатырь“ теперь оказалось два новыхъ пассажира, но Васю это не беспокоило. Впервые, аппаратъ былъ рассчитанъ на большій вѣсъ, во-вторыхъ, съ каждымъ днемъ запасы сокращались и вѣсъ ихъ облегчался, и поэтому лишніе одинъ, два пуда не составляли обремененія. Увеличеніе же команды и появленіе на аэропланѣ хорошенькаго животнаго только веселило нашу компанію.

Но командира корабля все же тревожило одно обстоятельство. Осматривая какъ-то утромъ кладовую съ съѣстными припасами, онъ замѣтилъ, что послѣднихъ не такъ уже много. Уписывая за обѣдомъ, за завтраками порционные порціи и не стѣняя себя ѣдой въ промежуткахъ между ними, аэронавты порядкомъ поистощили свой складъ, а между тѣмъ впереди лежалъ еще не одинъ день воздушнаго пути.

Уже нѣсколько сутокъ летѣли путешественники въ пространство, потерявъ изъ виду землю, ныряя среди облаковъ и все дальше и дальше уходя въ голубую высь. Вася и Степа по очереди дежурили у рулей, Коля съ Ванюшкой слѣдили за работой механизмовъ, а Сережа съ Маней, а теперь вмѣстѣ съ Маруськой усердно трудились по хозяйственной части, дѣлая бутерброды, разогрѣвая кофе и приготавливая обѣды.

Маруська при этомъ ластилась около ногъ, изгибала спину, мурлыкала и терлась объ столъ, выпрашивая повкуснѣе кусочки. На ней совсѣмъ не отражалась необычайность путешествія, какъ и на остальныхъ участникахъ полета, смѣло летѣвшихъ на своемъ „Богатырь“ все впередъ и впередъ, все дальше и дальше.

Но благополучіе и удача не всегда бываютъ продолжительны. Одинъ разъ, ночью, когда „Богатырь“ шель подъ управленіемъ Степы, аппаратъ началъ нырять и такъ сильно, что въ каютѣ на столѣ запрыгала посуда, задвигалась мебель, и въ довершеніе всего

упала и разбилась большая бутылка со сливками, разлившаяся по полу. Горю Мани не было конца. Она очень любила сливки и бисквиты, а теперь приходилось пить кофе чернѣй, и бисквиты потеряли свою прелесть. Маруська сначала блаженствовала, подлизывая лужицы и струйки сливокъ на полу, но потомъ тоже пригорюнилась, какъ бы сознавая, что и она лишается вкуснаго завтрака.

Въ это время мальчики самымъ серьезнымъ образомъ разбирались въ причинахъ такихъ рѣзкихъ скачковъ аэроплана.

Судя по отбѣткамъ барографа, по даннымъ температуры можно было предполагать, что „Богатырь“ проходит надъ какой-нибудь огромной водной площадью, гдѣ въ это время разыгрались воздушные вихри.

— Мы надъ океаномъ, на громадной высотѣ,—заявилъ Степа-Мудрецъ.

— Сюда достигаютъ смерчевыя волны, и чтобы избѣжать ихъ, надо немедленно отойти въ сторону и нѣсколько принизиться,—заклучилъ онъ.

Вася вполне былъ съ нимъ согласенъ и тотчасъ же привелъ въ исполненіе задуманный маневръ.

„Богатырь“, свистя взмахами своихъ двухъ переднихъ пропеллеровъ, рѣзко повернулъ вбокъ и пошелъ внизъ по спирали. Черезъ пять минутъ толчки уже ослабли, аэропланъ понесся устойчиво, но нѣсколько тысячъ метровъ высоты было потеряно, и далеко внизу стала выдѣляться земля.

— Экая досада! — проговорилъ Вася, для котораго подобная потеря совсѣмъ не входила въ планы путешествія.

— Ну, ничего, — утѣшали его Коля и Степа. — Расчетъ небольшой!

— Какъ небольшой? — кипятился командиръ. — А хватить намъ бензина и припасовъ? Все вѣдь было взято съ расчетомъ, а тутъ еще вотъ лишній вѣсъ и два рта! — и Вася покосился на Ванюшку и Маруську.

Но гнѣвъ послѣдняго скоро прошелъ, тѣмъ болѣе, что явилась возможность разузнать о томъ, что дѣлается на землѣ. Радиотелеграфные аппараты пришли въ дѣйствіе, и на ленточкахъ появились значки буквъ. Степа немедленно принялъ радиотелеграммы, и изъ нихъ команда „Богатыря“ узнала, что, дѣйствительно, причиной ихъ неудачи явился сильнѣйшій штормъ, пронесшійся ураганомъ надъ Атлантическимъ океаномъ.

— Вотъ такъ штука!—воскликнулъ вдругъ Степа.

— Что такое?!—воскликнули остальные пассажиры аэроплана.

— Смотрите-ка, что надѣлалъ этотъ штормъ!—И Степа расшифровалъ телеграммы, изъ которыхъ было видно, какъ обмѣнивались на океанѣ просьбами о помощи захваченные смерчемъ океанскіе пароходы.

— Чай, сколько народу погибнетъ!—печально проговорилъ Ванюшка, посвященный теперь въ извѣстной степени въ тайны аэронавтики и мореплаванія.

— Да, братъ, этимъ не шути,—подтвердилъ его мысли Коля.—Эти пароходы—не то, что ваша деревня, это, братъ, цѣлые пловучіе города съ тысячами обитателей...

Ванюшка разинулъ ротъ отъ удивленія, какъ вдругъ Степа закричалъ:

— Господа, господа! Вотъ это новость такъ новость! Слушайте!

И Степа прочелъ всей компаніи телеграмму изъ Парижа въ Нью-Йоркъ о поразительныхъ успѣхахъ авіаціи. Парижскій аэроклубъ сообщалъ Нью-Йоркскому объ опытахъ полета на аэропланѣ внизъ головой, о спускахъ и движеніи безъ мотора, о мертвыхъ петляхъ Нестерова, Пегу, Пуарэ и другихъ отважныхъ аэронавтовъ.

— Ура! Ура!—закричала вся компанія, привѣтствуя новыя завоеванія смѣльчаковъ.

Больше всѣхъ заинтересовался этимъ сообщеніемъ Вася.

— А что, господа, не попробовать ли и намъ продѣлать такіе повороты.

— Вотъ хорошо-то!—воскликнула Маня-Мальчуганъ, запрыгавъ по каютѣ и подхвативъ Маруську.

— Конечно, надо,—поддакнулъ Сережа,—это намъ можетъ пригодиться.

— Ну, тогда всѣ маршъ по мѣстамъ!—скомандовалъ Вася и отправился на пилотское мѣсто.

— Ты привяжи себя къ сидѣнью,—посоветовалъ Степа.

— Не стоитъ, эка важность!—отказался отважный командиръ.—Удержусь и безъ этого. При быстромъ ходѣ нашего „Богатыря“ не вывалишься и такъ.—Сказано сдѣлано.

Въ ту же минуту Вася включилъ въ дѣйствіе запасные моторы; пропеллеры засвистѣли, и аэропланъ какъ бѣшеный рванулся впередъ.

Вася сдѣлалъ крутой спускъ внизъ, быстро забралъ вверхъ, послѣ этого поставилъ „Богатыря“ на дыбы и черезъ секунду опрокинулъ его на спину.

Аппаратъ грузно кувыркнулся въ воздухѣ, перевернулся отъ тяжести еще разъ и еще, и только послѣ этого заколебался и пріостановился, удержанный напоромъ воздуха въ его громадные крылья.

Трудно себѣ представить что творилось въ каютѣ „Богатыря“ во время этихъ прыжковъ. Положительно все оказалось вверхъ дномъ. Посуда, мебель, припасы и сами пассажиры кувыркались въ тѣсной комнаткѣ, стучались другъ объ друга, снова падали съ пола на потолокъ и обратно, и только Маруська, задравши хвостъ, висѣла, уцѣпившись за обивку каюты и раскачиваясь, какъ маятникъ у часовъ.

Но и это еще все было бы ничего, несмотря на полученные громадные шишки на лбу и затылкахъ команды, несмотря на испачканные и измазанные и порванные костюмы авіаторовъ, если бы не случилось обстоятельства еще болѣе ужаснаго: авіаторы потеряли своего командира.

— Господа,—воскликнулъ Степа,—пилота-то нашего нѣтъ!

— Какъ нѣтъ?—вырвался крикъ ужаса у остальныхъ, бросившихся къ переднему иллюминатору каюты.

Дѣйствительно, пилотское мѣсто было пусто. Васи на немъ не было.

Но моторы работали, пропеллеры вертѣлись съ той же силой, и „Богатырь“ бѣшено несся впередъ никѣмъ не управляемый.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Авиаторъ.

Путешествіе на луну.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Прошла первая минута изумленія пассажировъ «Богатыря», и къ нимъ вернулась способность рассуждать.

— Спустимся на землю, — сказалъ Сережа и по глазамъ товарищей увидалъ, что эта мысль имъ по душѣ.

Одна Маня-Мальчуганъ, при всемъ своемъ задорѣ и храбрости, не выдержала и громко заревѣла, повторяя сквозь слезы: — Бѣдный Вася, бѣдный Вася!..

Гибель командира не уменьшила однако энергіи путешественниковъ. На общемъ совѣтѣ рѣшено было передать управление и команду въ руки Степы-Мудреца съ тѣмъ, чтобы онъ держалъ теперь курсъ обратно на землю.

Но послѣднее было не такъ легко сдѣлать изъ-за того, что аэропланъ сталъ очень туго почему-то повиноваться направленію внизъ. Его все какъ-то подавало нѣсколько вверхъ, несмотря на все старанье Степы спуститься хоть немного ниже.

«Что за исторія?» думалъ онъ, останавливая время отъ времени моторъ и убѣждаясь, что каждый разъ при этомъ «Богатырь» задираетъ носъ вверхъ.

— Коля! Ванюшка! — крикнулъ наконецъ Степа-Мудрецъ товарищамъ, — посмотрите хорошенько, въ порядкѣ ли заднее рулевое управленіе! Руль глубины у меня что-то плохо слушается, не загло ли гдѣ тросовъ?

Ванюшка, какъ болѣе смѣлый и ловкій, быстро пробрался черезъ нижній люкъ подъ каюту и, придерживаясь за скрѣпъ, оглядѣлся кругомъ. Вдругъ вниманіе его привлекла какая-то темная масса въ узкомъ пространствѣ между переплетами хвостовыхъ скрѣпленій и проволочныхъ тяжей.

Ванюшка быстро вернулся назадъ и сообщилъ о видѣнномъ командѣ. Всѣ бросились къ заднему окну ка-

юты. Отсюда тоже можно было разсмотрѣть шевелившуюся массу.

— Господа, да вѣдь это нашъ командиръ, Вася! — вдругъ закричалъ Сережа.

На самомъ дѣлѣ теперь можно было разглядѣть и всю фигуру злосчастнаго пилота, запутавшагося въ частомъ переплетѣ хвостовыхъ крѣпленій.

— Спасать командира! — заоралъ Сережа во все горло. Но среди храброй команды не находилось смѣльчака, соглашавшагося пролѣзть по тонкимъ колеблющимся скрѣпамъ, чтобы высвободить запутавшагося Васю.

— Стой же, я попробую, — предложилъ Ванюшка и смѣло пустился внизъ, ловко цѣпляясь за проволоки и натяженія, пользуясь старыми своими навыками лазить по высокимъ елямъ и соснамъ въ погонѣ за бѣлоносными галчатами.

Вся команда съ трепетомъ слѣдила, какъ смѣльчакъ пробрался къ самому концу хвоста, какъ помогъ Васѣ вытащить ноги и руки и наконецъ выбраться изъ заключенія.

Черезъ минуту Ванюшка и Вася были уже въ каютѣ, и вопросы сыпались на того и другого. Вася повѣдалъ исторію своего исчезновенія съ пилотскаго мѣста. Оказывается, что при первомъ жедвиженіи аэроплана вверхъ, Вася, какъ съ горки, съѣхалъ съ крыли каюты и свалился внизъ въ узкое пространство хвостовыхъ скрѣповъ. Конечно, онъ могъ погибнуть, но на его счастье и планки, и проволоки были настолько крѣпки, что выдержали тяжесть упавшаго тѣла.

Однако, стиснутый со всѣхъ сторонъ проволочными переплетеніями, Вася не могъ сначала даже шевельнуться, тѣмъ болѣе, что ощущалъ подъ собой движеніе тросовъ (проволочныхъ веревокъ), протанутыхъ отъ механизмовъ управленія къ заднимъ рулямъ.

Это и был тот самый момент, когда Степа никак не мог дать „Богатырю“ движенія внизъ: рули не слушались.

При общихъ ликованіяхъ спасеннаго командира тутъ же накормили, напоили, и Степа передалъ ему управленіе аэропланомъ.

О возвращеніи на землю теперь никто не рѣшался и заикнуться.

— Теперь уже любое кувырканье въ воздухъ продѣлаю съ „Богатыремъ“, — хвастался Вася, съ набитымъ ртомъ, аппетитно пережевывая послѣ голодовки куски жареной курицы и бросая кусочки вертѣвшейся у ногъ Маруськѣ.

— Ну, этихъ опытовъ больше дѣлать намъ, пожалуй, и не надо, — замѣтилъ серьезно Степа-Мудрецъ. — Смотри-ка, сколько бѣды надѣлала намъ первая мертвая петля.

Вася только тутъ замѣтилъ, какія опустошенія произведены въ каютѣ, и очень огорчился, узнавъ, что часть припасовъ оказалась попорченной совсѣмъ.

— А какъ, Сережа, хватить намъ запасовъ на дорогу? — поинтересовался командиръ, обращаясь къ завѣдующему хозяйственной частью.

— Должно бы... хва... тить... — съ трудомъ отвѣтилъ тотъ, еле ворочая языкомъ во рту, набитомъ вкуснымъ жаркимъ.

— Ну, смотрите! — строго замѣтилъ Вася и немедленно отправился смѣнять утомившагося Степу-Мудреца.

Снова понесся вверхъ „Богатырь“. Безъ-умолку трещали моторы, свистѣли пропеллеры. При опытномъ командирѣ команда теперь не трусила, и мечты о возвратѣ на землю были оставлены.

„Богатырь“ забрался такъ уже высоко, что путешественники вынуждены были пользоваться запасами кислорода, надѣли маски, безъ которыхъ невозможно дышать въ разрѣженномъ воздухѣ. Температура упала. Были надѣты теплые костюмы. Въ каютѣ непрерывно работала электрическая грѣлка.

— Ничего, это скоро кончится, — утѣшалъ всѣхъ энергичный предводитель. — Скоро пройдемъ полосу разрѣженнаго воздуха, вступимъ въ сферу луны, и тогда уже „наша взяла!“ — бодрилъ Вася свою застывавшую команду.

Меньше другихъ страдалъ Ванюшка. Въ материнской ватной кацавейкѣ онъ чувствовалъ себя весьма недурно, тогда какъ остальные, въ патентованныхъ вязаныхъ специальныхъ костюмахъ дрожали порядочно. „Богатырь“ шелъ не такъ уже быстро, хотя работали всѣ моторы и пущены были въ ходъ всѣ пропеллеры.

Рѣдкій воздухъ слабо оказывалъ сопротивленіе, и требовалось особое напряженіе машинъ.

„Лишь бы хватило бензина“, думалъ съ тревогой Вася, окоченѣвшими руками держась за рули управленія.

Между тѣмъ луна приближалась все больше. Все отчетливѣе вырисовывалась она на темномъ ночномъ небѣ. Легко были видны глубокія пропасти и высокія вершины ея горъ. Причудливыми узорами испещряли онѣ поверхность остывшей планеты. Въ низинахъ, въ долинахъ между горами чудились окаменѣвшія громады городовъ, глубокими извилистыми трещинами представлялись русла обезводившихся рѣкъ. Но признаковъ жизни не наблюдалось. Мертвые, холодные, блѣдные тоны окраски холмовъ, кратеровъ и долинъ не оживлялись веселой окраской травянистыхъ поверхностей; въ ущельяхъ горъ, въ низинахъ не блестяли игривой струей рѣки мертвой планеты. Попрежнему луна представлялась загадкой, рѣшеніе которой лежало въ миллионѣхъ прошедшихъ годовъ.

Наши путники внимательно вглядывались темными ночами въ приближавшуюся цѣль своей поѣздки, даже кошка Маруська не отставала отъ общаго увлеченія луной, хотя въ данномъ случаѣ ею руководили, вѣроятно, соображенія иного порядка. Воспоминанія о лунныхъ ночахъ будили въ кошечкѣ желаніе забраться на крышу и тамъ помяукать.

Въ одну изъ такихъ ночей Мани-

Мальчуганъ замѣтила исчезновеніе Маруськи.

Туда-сюда, поискали ее. Нѣтъ нигдѣ. Ванюшка особенно беспокоился о кошкѣ.

Стали смотрѣть изъ иллюминаторовъ, не выпрыгнула ли кошка на крылья „Богатыря“.

Дѣйствительно, на одной изъ верхнихъ планокъ аппарата, на самомъ краю сидѣла Маруська и жалобно мяукала, глядя на луну.

Ванюшка сталъ ее кликать.—Кысь, кысь, кысь...—манили остальные, но кошечка оставалась глуха къ призывамъ.

— Что же дѣлать? — мелькнула мысль у мальчиковъ.—Оставить любимицу одну—нельзя было. Она могла свалиться съ крыла, а то еще хуже—попасть въ механизмъ или въ винты, и тогда опасность угрожала бы самому аэроплану.

— Стойте, я сейчасъ ее достану!—воскликнулъ Ванюшка, и прежде чѣмъ кто-нибудь успѣлъ возразить на его рискованное предложеніе, мальчикъ вылезъ черезъ люкъ на крыло и поползъ осторожно по нему по направленію къ краю.

— Держись крѣпче!—кричали остальные, а Вася старался удержать „Богатыря“ въ одномъ положеніи, чтобы наклономъ крыльевъ не сбросить смѣльчака въ пространство.

Вотъ Ванюшка уже достигъ края, уже протянулъ руку къ Маруськѣ и схватилъ ее за лапку, какъ вдругъ въ это мгновеніе, какъ нарочно, аппаратъ весь вздрогнулъ, скакнулъ, и всѣ съ ужасомъ увидали, что Ванюшка и Маруська сорвались съ крыши и полетѣли внизъ.

Путешественники онѣмѣли отъ страшной картины и боялись открыть сомкнувшіеся невольно глаза.

Авиаторъ.

Путешествіе на луну.

(ОКОНЧАНИЕ).

— Ну, потеряннаго не воротишь; за работу, господа! — скомандовалъ Вася, сохранившій присутствіе духа и рѣшившій продолжать путь вверхъ, такъ какъ всякая попытка искать и ловить упавшихъ авіаторовъ представлялась явно невыполнимою.

Однако и призывъ командира къ энергіи путниковъ, и пущенные имъ во весь полный ходъ моторы „Богатыря“ не вызвали должнаго эффекта.

Аэропланъ хотя и летѣлъ съ быстротою молніи, но вверхъ не поднимался.

„Вотъ странность“, думалъ Вася и рѣшилъ на нѣсколько минутъ остановить двигатели, чтобы провѣрить механизмъ и управленіе рулями.

Какъ только это приказаніе было исполнено, вся команда разинула ротъ отъ удивленія: „Богатырь“, никѣмъ не управляемый, не толкаемый впередъ винтами, стоялъ неподвижно въ воздухѣ.

— Господа, а я догадался, что съ нами случилось! — закричалъ пришедшій, наконецъ, въ себя Степа-Мудрецъ. Мы, вѣроятно, попали на границу дѣйствія закона земнаго притяженія. Теперь насъ, по всѣмъ признакамъ, луна притягиваетъ къ себѣ, а земля тянетъ въ свою сторону. Вотъ нашъ аппаратъ и стоитъ между двумя планетами.

— Какъ же теперь быть? — вопили путешественники; уразумѣвшіе почти полную безвыходность своего положенія, обращаясь къ Степѣ-Мудрецу.

— Тутъ намъ можетъ помочь только какой-нибудь непредвидѣнный случай. Если бы кто-нибудь толкнулъ „Богатыря“ въ ту или другую сторону, вверхъ или внизъ, ну, тогда само собою опредѣлилось бы дѣйствіе сферы притяженія. Мы, или поплыли бы обратно къ землѣ, или притяженіе луны вовлекло бы аэропланъ въ свою область. А безъ этого мы обречены летать безъ конца между этихъ пла-

нетъ, пока не поѣдимъ всѣхъ припасовъ и не превратимся сами въ мумій.

Отъ такихъ перспективъ путешественники упали духомъ окончательно. Больше всѣхъ нервничала, конечно, Маня-Мальчуганъ. Она плакала навзрыдь.

Мальчики были нѣсколько спокойны, но и ихъ пугалъ ужасъ положенія, тѣмъ болѣе что встрѣтить спасеніе совсѣмъ не представлялось возможнымъ.

— Не стоять же намъ все-таки на одномъ мѣстѣ, — рѣшилъ, наконецъ, Вася. — Полетимте хоть впередъ, а тамъ видно будетъ. — И отважный пилотъ снова пустилъ въ ходъ моторы. Снова помчался „Богатырь“ по безбрежному воздушному пространству. Наступила ночь. Выплыла на темномъ небѣ загадочная, холодная луна. Теперь ея улыбка, казалось, стала еще значительнѣе. Казалось, вотъ-вотъ сверху раздастся голосъ: — Что, попались, голубчики, ха! ха! ха! Сидѣли бы себѣ смирно на землѣ! Ишь, храбрецы какіе выискались! Вотъ теперь и крутитесь. И близко локоть, да не укусишь. — И кончикомъ языка луна, казалось, дразнила авиаторовъ.

Въ это время Вася сталъ внимательно вглядываться впередъ, наконецъ, молча схватилъ за рукавъ Степу и показал ему на заинтересовавшій его предметъ.

А впереди виднѣлись какія-то двѣ точки, какія-то двѣ темныя фигурки, какъ будто висѣвшія въ воздухѣ.

«Богатырь» бѣшено несся навстрѣчу этимъ двумъ точкамъ, и черезъ минуту Вася и Степа были поражены представившейся имъ картиной: въ воздухѣ безпомощно висѣлъ Ванюшка и рядомъ почти съ нимъ кошка Маруська. Бѣдное животное смѣшно перебирало лапками, хвостъ ея безпомощно задрался вверхъ, жалобное мяуканье оглашало воздухъ. Ванюшка также безпомощно взмахивалъ руками и дѣлалъ уморительныя движенія ногами, а материнская цапавейка его болталась своими лохмотьями; во взорѣ несчастнаго мальчика, похудѣвшаго за эти дни пребыванія въ воз-

духѣ, читался ужасъ и мольба о спасеніи.

— Ванюшка?! Ты? — закричалъ Вася, задерживая аэропланъ, когда тотъ былъ отъ мальчика въ нѣсколькихъ шагахъ.

— Я! Я! — жалобно простоналъ тотъ.

Эту сцену увидали изъ оконъ каюты и остальные пассажиры и выбрались, кто въ гондолу, кто на крышу посмотреть, какъ командиръ подведетъ „Богатыря“ къ погибающимъ воздухоплавателямъ.

— Хватайся за аппаратъ, какъ только подойдетъ ближе! — крикнулъ Вася Ванюшкѣ, который былъ всего теперь въ двухъ шагахъ отъ аэроплана. Теперь Ванюшкѣ можно было безопасно схватиться либо за остановившіеся пропеллеры, либо за бортъ гондолы.

Все это было дѣломъ нѣсколькихъ секундъ и едва не погубило путешественниковъ. Они твердо держались кто за что попало, между тѣмъ какъ Вася схватился за управление и далъ ходъ моторамъ.

— Земля, земля! — закричалъ вскорѣ Коля, дежурившій у иллюминатора.

— Гдѣ? Гдѣ? — и всѣ бросились смотреть на долгожданную спасительницу — землю.

Дѣйствительно, внизу сквозь бѣгущія облака показалась темная масса, освѣщенная розовыми лучами удалявшагося солнца.

Аппаратъ грохнулся на землю, толчокъ получился при этомъ не менѣе, пожалуй, сильный, чѣмъ и во время удара молніи, но особенныхъ поврежденій паденіе не причинило; оно не прибавило страданій и боли ни аэроплану, ни авиаторамъ.

Большихъ успѣховъ достигла другая партія авиаторовъ. Осмотръ аэроплана убѣдилъ ихъ въ томъ, что „Богатырь“ послѣ небольшихъ исправленій снова, хоть и съ грѣхомъ пополамъ, будетъ годенъ для полета.

— Въ путь! Домой! Скорѣй! — слышались нетерпѣливые голоса.

— Тогда всѣ по мѣстамъ! — командовалъ Вася.

Всѣ путешественники размѣстились вокругъ аэроплана, въ то время какъ

Вася занял пилотское мѣсто, предварительно заправивъ бензиновые баки и подготовивъ моторъ.

— Разъ, два, три! Дружно берись! — зазвучала команда Сережи, и аэропланъ медленно поднялся. Пропеллеры захватили воздухъ, рванули „Богатырь“, и аппаратъ взмыль къверху.

— Хватайся! — раздался голосъ пилота, но было поздно. „Богатырь“, увлекаемый движеніемъ пропеллеровъ, поднялся отчего-то сразу на десять метровъ вверхъ, и протянутыя руки товарищей Васи такъ и остались простертыми къ аэроплану. Единственный пассажиръ аэроплана Вася не въ силахъ былъ правильно вести свой корабль, и послѣдній все дальше и дальше уходилъ ввысь и скоро скрылся изъ глазъ.

— Бѣдные Сережа, Степа, Коля, Ванюшка!.. — плакалъ командиръ, вертя не разъ безсознательно рули управленія. — И зачѣмъ это я придумалъ путешествіе на луну. Лучше бы сидѣть мнѣ съ мамой и папой дома! — печаловался онъ, не замѣчая, что съ его аппаратомъ творится что-то худое.

Оказывается, наспѣхъ укрѣпленная парусина на крылѣ оторвалась, воздухъ свисталь въ дыру, и „Богатырь“, скользя на одно крыло, падалъ внизъ, не сдерживаемый движеніемъ пропеллеровъ.

— Все погибло! — мелькнуло въ сознаніи Васи, когда онъ убѣдился въ полной своей беспомощности и когда паденіе внизъ «Богатыря» шло съ громадной, все возрастающей быстротой.

Съ адскимъ грохотомъ рухнулъ на землю воздушный корабль, въ мелкие куски разлетѣлись гондола, каюта, пропеллеры, моторы скрючились, и изломались скрѣпы, натяженія и планы-крылья «Богатыря», и громадный столбъ взрытой земли, пыли и дыма покрылъ мѣсто катастрофы.

Нечеловѣческимъ голосомъ закричалъ въ послѣдній моментъ Вася... и проснулся.

— Что съ тобой? Что ты кричишь?! — тормошила его мать, приподнимая съ пола у кровати, куда свалился Вася во снѣ.

— Сонъ что ли увидалъ нехорошій? — смѣялся отецъ, помогая поднятъ не совсѣмъ еще проснувагося командира „Богатыря“.

Только тутъ Вася немного пришелъ въ себя. Открылъ глаза и изумленно обвелъ окружающихъ.

Тѣ же комнаты его, знакомыя родныя добрыя лица, его смятая кровать — все это свое, знакомое, близкое.

— Такъ это значить былъ сонъ? — спросилъ онъ родителей. — А гдѣ же Маня-Мальчуганъ, Степа-Мудрецъ, Коля и Сережа Буховъ, Ванюшка, Маруська?

— Какъ гдѣ? — переспросилъ Александръ Ивановичъ.

— Какой Ванюшка и Маруська? — интересовалась Вѣра Николаевна.

— Товарищи твои, вѣроятно, спятъ еще. Вы всѣ такъ разыгрались на Веселой Полянѣ, что ты какъ пришелъ, такъ и повалился въ кровать.

— И всю ночь метался, кричалъ, поминалъ своего „Богатыря“, а въ довершеніе всего свалилъ со столика графинъ съ водой и разлилъ ее по полу, — подтвердила Вѣра Николаевна.

Вася улыбнулся, и весь сонъ представился ему какъ живой.

— Ну, слава Богу, значить это я во снѣ пропутешествовалъ! — и храбрый командиръ „Богатыря“ весело засмѣялся, потирая затылокъ, ушибленный объ ножку кровати.

— Мамочка, папа! Больше я не буду строить аэроплановъ. А ужъ на луну ни за что не полечу.

И мальчикъ тутъ же рассказалъ свой сонъ, съ которымъ сейчасъ познакомились и вы, дорогие читатели.

Авиаторъ.

